

— Охренеть, ну и лапища у этой девки, — присвистнул Хэ Линьчуань.

Он во все глаза разглядывал опухшую правую щеку Линь Цзунцзе. Даже горы жареной грудинки и литры пива не могли заткнуть его удивлённую пасть. Парень сочувственно поцокал языком и сокрушённо покачал головой:

— Да ладно тебе, делов-то — взрослому мужику по роже схлопотать. На, глуши до дна, а завтра выпишься и снова подкараулишь её у подъезда.

— Не могу, — Линь Цзунцзе со вздохом отвёл в сторону протянутый стакан. — Язык прокушен, болит нещадно. Пить невозможно.

— Так тебе и надо, если честно, — вставил Чэнь Кэ. — К делу надо с умом подходить. Ты думаешь, все девчонки такие же непробиваемые, как Лу Цинюань? Есть же и ранимые натуры. С ними напором нельзя, соображать надо.

— Это не девчонка, — после недолгого молчания выдавил Линь Цзунцзе, наконец решившись открыться друзьям.

За столом воцарилась мёртвая тишина. Секунды три никто не мог осознать услышанное: кто-то жевал мясо, кто-то тянулся за бутылкой, но внезапно смысл слов дошёл до их затуманенных алкоголем мозгов. Все замерли. Кто-то перестал жевать, стаканы зависли в воздухе.

Чэнь Кэ и вовсе выронил свой стакан. Тот со звоном разлетелся на мелкие осколки, а парень, заикаясь, переспросил:

— Ч-чего? Ты сейчас что сказал?

— Да то и сказал: он не девчонка, — Линь Цзунцзе чиркнул зажигалкой, прикурил сигарету, но затягиваться не стал — во рту всё ещё немилосердно жгло. Он поднял глаза на онемевших приятелей. — Такой же парень, как и мы.

Компания дружно вытаращилась на него, потеряв дар речи.

— Ну и чего вы вылупились? — огрызнулся Цзунцзе.

Его и без того душила обида из-за жёсткого отказа Хань Линя, а тут ещё и лучшие друзья встретили его признание гробовым молчанием. Злость мгновенно взяла верх. Пускай лицо горело, а язык еле шевелился, силушки у громилы-спортсмена всё ещё было хоть отбавляй. Он с размаху припечатал ладонь к столу — так, что тарелки подпрыгнули, а пивные бутылки жалобно звякнули.

— Эй! Я имею право любить того, кого захочу! Это моя личная жизнь! Вы-то какого хрена на меня косо смотрите? Что не так с парнями? Они что, не могут быть классными? Или, блин, милыми? Чем парни вообще хуже баб?!

Друзья переглянулись.

— Слышь, остынь, никто тебя не презирает.

— Просто... новость, мягко говоря, убойная. Нам надо прийти в себя.

— И чего орать? Теперь понятно, почему тебя за поцелуй без спроса чуть без языка не оставили. Бля, если бы ко мне полез лобызаться какой-нибудь мудака, я бы ему яйца оторвал, не то что укусил.

— Подожди, а кто этот бедолага? Мы его знаем?

Шумный гам улегся лишь спустя пару минут. Наконец Су Линь задал самый главный вопрос.

Цзунцзе виновато опустил голову и, растеряв весь свой грозный вид, жалобно пробормотал:

— Хань Линь.

Юань Юань почесал затылок:

— Слушай, а у тебя точно любовь, а не какой-нибудь Стокгольмский синдром?

— Это ещё за хрень? — нахмурился Линь.

— Ну, это когда жертва влюбляется в своего мучителя, — вставил Хэ Линьчуань. — Проще говоря, садомазохизм в чистом виде. Когда задница сама приключений и пиздюлей просит.

От этих разговоров у Линь Цзунцзе, казалось, заболело вообще всё тело. Он обречённо вздохнул:

— Хорош ржать, мужики, мне реально паршиво. Он сказал, что завтра же пересядет. И больше знать меня не желает. Что мне делать-то? Я впервые в жизни по-настоящему втрескался, а эта любовь сдохла, даже не успев родиться!

Су Линь сочувственно похлопал друга по плечу:

— Послушай, то, что тебе нравятся парни — это твоё дело, никто не осуждает. Но если Хань Линь натурал и ты ему вообще не сдался, то твои домогательства — это чистой воды скотство. Так нельзя.

— Согласен, — кивнул Юань Юань. — Ты его просто доведёшь до ручки, и он тебя возненавидит. Для начала нужно прощупать почву. Если он в принципе не против парней — можно попробовать поухаживать. Но если он стопроцентный натурал и его от одной мысли об этом воротит, брось эту затею. Пытаться сломать чужую ориентацию — последнее дело.

— Знаешь, откуда берутся гомофобы? — Хэ Линьчуань закинул в рот пару орешков. — Вот как раз из-за таких напористых ухажёров, которые личные границы ни во что не ставят.

Линь Цзунцзе в отчаянии взъерошил волосы:

— Да откуда мне знать, по какому он берегу плавает? Я что, прямо приду и спрошу? Он меня сразу пошлёт! Хань Линь сейчас спит и видит, как бы от меня на другой конец планеты свалить.

— Ну так сам виноват, достал парня, — вставил Чэнь Кэ. — Кто так дела делает? Он тебе согласия не давал, а ты на него с поцелуями набросился. Скажи спасибо, что вообще не кастрировал.

— Да понял я уже, понял, — жалобно протянул Линь. — Как теперь всё исправить? Есть хоть какой-то шанс?

Компания притихла. Парни зашуршали скорлупой, принялись разливать пиво, сосредоточенно пережёвывая мясо. Спустя минуту томительного молчания Хэ Линьчуань наконец поднял голову:

— Ладно, есть план. Давай мы сначала аккуратно выясним, как этот Хань Линь вообще относится к теме. Если он не против парней или сам латентный, тогда поможем тебе его закадрить.

— А если против? — упавшим голосом спросил Цзунцзе.

— Тогда забудь. Просто оставь его в покое. Говорю как натурал: я нормально отношусь к геям, но если бы ко мне начал грязно приставать мужик и пытаться меня «перевоспитать», меня бы просто вывернуло наизнанку. Уж извини за прямоту, но для нормального парня такие навязчивые подкаты со стороны другого мужика — это дико мерзко.

Слова друга ударили под дых. Мысль о том, что для Хань Линя он может быть источником отвращения, вонзилась в сердце Линь Цзунцзе ржавым ножом.

Видя, что их обычно непробиваемый «президент» расклеился не на шутку, парни отбросили шутливый тон.

Чэнь Кэ вздохнул и добавил уже мягче:

— Цзунцзе, посмотри на это трезво. Хань Линь — лучший ученик провинции. Если он натурал, у него впереди блестящее будущее: престижный вуз, отличная карьера, красавица-жена, дети... Да даже если он разведётся и женится снова — любая его обычная жизнь будет в сто раз проще и спокойнее, чем если он свяжется с тобой и пойдёт против всех.

— Вот именно, — поддержал Юань Юань. — Отношения между парнями — это адски тяжело. Если ты не готов идти до конца и защищать его всю жизнь, то не ломай человеку судьбу. Он слишком умный и перспективный, чтобы размениваться на пустые интрижки. Если ты настроен серьёзно — дай ему выбор. Если нет — просто отойди в сторону.

Линь Цзунцзе промолчал.

«Готов ли я идти до конца?..»

Он опустил взгляд на свои широкие ладони, медленно сжал их в кулаки, разжал и снова сжал.

— Давай, босс, решай по-мужски, — поторопил Хэ Линьчуань. — Завязываем сопли на кулак. Боремся за него или ты завтра молча пакуешь вещи и пересаживаешься?

Линь Цзунцзе стиснул зубы:

— Боремся.

Осенняя ночь дышала сыростью, холодный ветер с шумом обрывал пожухлую листву с раскидистых крон деревьев.

На следующее утро Хань Линь долго стоял перед зеркалом в ванной, бездумно глядя на собственное отражение. Проведя кончиком языка по зубам, он поморщился — ему показалось, что он всё ещё чувствует металлический привкус чужой крови. Вздохнув, он поднял зубную щётку и тщательно, до скрипа вычистил зубы, безжалостно смывая остатки вчерашнего безумия вместе с мятной пеной.

Хотя он ясно дал понять Линь Цзунцзе, чтобы тот больше не смел приближаться к его дому, выходя утром за завтраком, Хань Линь всё же не удержался и бросил короткий взгляд назад. Разумеется, улица была пуста.

Он протянул монеты продавцу в палатке, но тот лишь замахал руками:

— А, парень, не надо денег! Вчера тот высокий пацан заплатил за твои завтраки на месяц вперёд. Просто забирай и всё.

Хань Линь замер на секунду, затем молча взял тёплый пакет с едой:

— Спасибо.

В класс он вошёл за минуту до звонка. Коридоры постепенно пустели, из кабинетов доносился нестройный гул голосов — начиналась утренняя самоподготовка. Место Линь Цзунцзе пустовало: то ли опять прогуливал, то ли пропадал на утренней тренировке. Хань Линь скользнул взглядом по пустой парте, а затем решительно тронул за плечо сидящего впереди одноклассника.

Сун Чэн обернулся, лениво пережёвывая горячий пирожок с говядиной — жевать на утренних занятиях давно вошло у него в привычку.

— Давай поменяемся местами, — ровным тоном предложил Хань Линь.

— Чего? — парень чуть не подавился пирожком.

— Пересаживайся ко мне. Будешь сидеть с Линь Цзунцзе.

Сун Чэн опешил:

— Но наш «президент»... он же...

— Я вчера всё с ним обсудил. Мы меняемся. Теперь за этой партой сидишь ты.

Сун Чэн растерянно захлопал глазами.

Интуиция буквально вопила, что если он согласится на эту авантюру, то разъярённый двухметровый «президент» размажет его по стенке при первой же встрече. С другой стороны, учебный староста впервые в жизни обратился к нему с личной просьбой. Как бы теперь вежливо слиться, чтобы и Хань Линя не обидеть, и шкуру свою спасти?

Пока Сун Чэн лихорадочно соображал, в дверях кабинета показалась взъерошенная макушка Хэ Линьчуаня. Тот бесцеремонно заглянул внутрь, а затем вальяжной походкой направился прямо к их ряду.

Вообще-то Хань Линя он прекрасно помнил, но сейчас ему по сценарию полагалось включить «незнакомца» — мало ли, виделись всего раз, с кем не бывает.

— Эй, приятель, — обратился Хэ Линьчуань к Сун Чэну. — Подскажи, Линь Цзунцзе здесь сидит?

— А... ну да, — Сун Чэн удивлённо покосился на притихшего старосту и указал пальцем на соседний стол. — Вот его место.

— Подвинься чуток, а? — парень подошёл к парте.

Хань Линь молча отодвинул свой стул, пропуская его. Незнакомец бесцеремонно уселся на место Цзунцзе и принялся выгребать из ящика тетради и учебники.

— Слышь, земляк, ты вообще кто? — не выдержал Сун Чэн. — На кой чёрт ты забираешь вещи нашего босса?

— Так Линь Цзунцзе уходит из школы, — невозмутимо бросил Хэ Линьчуань.

— Что?! — в один голос выдохнули Хань Линь и Сун Чэн.

Парень кивнул с самым серьёзным видом:

— Ну да, забирает документы. Вот, пришёл помочь ему барахло собрать.

Хань Линь резко, со скрежетом отодвинул стул и поднялся во весь рост. Лицо его побелело.

— Кто позволил ему забрать документы?! — ледяным, но дрожащим голосом спросил он. — Где он сам? Его отец в курсе?

— Насчёт дяди Линя ничего сказать не могу, не знаю, что они там решили, — Хэ Линьчуань пожал плечами, не прерывая своего занятия. — Но сам Цзунцзе настроен твёрдо. Всё, отучился парень.

Пока он увлечённо складывал учебники стопкой, в класс, тяжело дыша, ворвался Чэнь Кэ. Быстро оценив обстановку, он мгновенно сориентировался и выдал свою лучшую актёрскую игру:

— Твою мать, Линьчуань, ты тут уснул, что ли?! Почему так долго? Цзунцзе там совсем погибает, наизнанку выворачивает прямо на крыльце! Су Линь говорит, надо срочно «скорую» вызывать, а то как бы кони не двинул!

— Что с ним?! — Хань Линь мёртвой хваткой вцепился в рукав Чэнь Кэ. — Где он? На стадионе? У ворот? Почему он не пришёл в класс?

Чэнь Кэ картинно нахмурился, стряхнул его руку с таким видом, будто впервые видит этого надоедливого заучку, и раздражённо зыркнул на приятеля:

— Да шевелись ты уже! Рожает там, что ли? Тяжело одну сумку забрать?

— Разуй глаза, debil, нет тут никакого рюкзака! — огрызнулся Хэ Линьчуань. — Куда я, по-твоему, всю эту макулатуру должен пихать? В трусы себе засунуть?

— Точно, туплю, — Чэнь Кэ хлопнул себя по лбу. — Рюкзак-то у него с собой остался. Жди здесь, я мигом сбегая за ним.

Он развернулся и бросился прочь из кабинета.

Хань Линь, не колеблясь ни секунды, рванул следом за ним.

Как только они скрылись за дверью, Хэ Линьчуань вальяжно откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и довольно заулыбался.

Оставшийся в классе Сун Чэн растерянно переводил взгляд с опустевшего прохода на ухмыляющегося парня, пытаясь переварить произошедшее:

«Это что ещё за дешёвый спектакль с утра пораньше?»

<http://bllate.org/book/18229/1760655>